

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

New York
Public Library
5th Ave. & 42 St.
New York 18 N.Y.

вре
ние
(твор
на в
Авенк
Карбе
В 190
случай
рижском
ревяны
формы,
выско
ства. С
несе
из
в

ПРЕДСТОИТ ЗАБАСТОВКА МЕТАЛЛИСТОВ

Вашингтон, 15 марта. — Федеральным арбитрам не удалось получить от председателя юниона металлистов Моррэй согласия отсрочить забастовку, намеченную в четвертый раз на воскресенье 23 марта.

Юнион требует прибавку в 18,5 центов в час. Компании согласны дать прибавку, если им разрешат повысить цены на сталь. Арбитры продолжают переговоры. Остановка плавильных печей начнется с четверга 20 марта.

ПОТЕРИ КРАСНЫХ В КОРЕЕ

Вашингтон, 15 марта. — Военное министерство сообщает, что за две последние недели потери красных в Корее увеличились на 16.849 — убитыми, ранеными и пленными.

С начала военных операций — 25 июня 1950 года — потери эти достигли 1.652.000 человек, из которых пленных — 170.000.

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO, 243 West 56th Street, New York 19, N. Y.

ПОСЛЕ ЮБИЛЕЯ

(Отрывки впечатлений и разговоров)

1. Вспоминается юбилей Пушкина. Какая благоговейная, восторженная радость была разлита по всему русскому миру.

Конечно, наши пушкинисты усердно писали именно о том, о чем Пушкину не хотелось бы слышать. Именно о том, что он пошел на дуэль и заплатил жизнью. Француз любезно спрашивали: «Votre Fouchkin? Le roi des coeurs?»

Но всетаки мы, русские любители Пушкина и умели любить его свято. Все в Пушкине ясно, все чисто и все благоговейно.

Гоголь — загадка. А загадку каждому дозволено разгадывать в меру его разума и душевных сил.

2. Мы только что прочитали прекрасные, толковые и очень умные статьи о нем, в которых часто цитировались Розанов, определивший Гоголя как гениального писателя, но глупого человека. Такого же мнения о нем и Лев Толстой. Кстати Розанов заводил подвоя под ту же рубрику и Льва Толстого — гениален, но неумен.

Я думаю, что сапожник, учивший Толстого точить сапоги, пожалуй подписался бы под этим мнением. «Анна Каренина» — одно, а вот выстрочить рант крепкой драфтой, на это нужно иметь другую голову.

Кака бы ни был безграничен человеческий гений, все области охватить он не может. Гениальные писатели могут проповедовать и убеждать, только при помощи героев своих произведений, поскольку эти герои художественно доказывают подлинно и истинно идеи автора. Без этой художественной плоти, орудия писателя — идея его безформенна и мертва.

Заставляя Шекспира написать трагедию о том, как должна вести себя губернаторша. Она провалилась, как провалилась и Гоголь.

3. Моя мать рассказывала, что бывала в Москве у своей крестной матери старенькой кн. Репиной. Старушка была очень религиозна, принимала у себя афонских монахов. И вот у нее бывал Гоголь. Приходила в красном бархатном жилете и читала старушке «Евангелие».

— Что же он хорошо читал? — Нет, не хорошо. Как то сердито. И поднимал вверх указательный палец. Строго читал, будто не слово Божие, а какое то собственное изъяснение.

Впоследствии, когда я читала его «Переписку», мне все представлялось красным жилетом и укоризненно поднятым пальцем.

4. Все как будто согласны с тем, что Гоголь гениален, но не умен. Все, кроме Тургенева, который сказал: «Какое умное и большое существо».

В нем чувствуется всеми что то меланхолическое, уродство какое то. Но это уродство и есть то, что отличает его от других, это и есть его «неладный» талант. Жемчужина — болезнь раковины, это уродство. Но только это уродство и драгоценно.

5. К Гоголю современники его относились с исключительным вниманием.

Как высоко ставил его Достоевский и как глубоко засел Гоголь в его подсознательном. Макарь Девушкин, жалкий равнинский чиновничек из «Бедных людей», не родной ли брат Акакия Акакиевича. И не знаю — обратил ли кто нибудь внимание на то, что мать Раскольникова назвал Достоевский Пульхерией и переименовал она с купцом Афанасием Ивановичем. Оба имени эти, несомненно заурядные, как оба вместе Достоевский сознательно не сочетал бы. Они жили в его подсознательном. Так прокинул Достоевский Гоголем, так впитал его в себя. Но как человека он Гоголя вынести не мог, до такой степени, что выплюнул его из души своей в лице Фомы Опискина. Достоевский был тоже больной человек и носил в себе тайно этот противный ему образ его бы замучило. Он конкретизировал это свое отвращение, дал ему художественную плоть и, успокоившись, отнялся от него.

6. Гоголь человек больной. Так говорят все. Но когда он писал любимое свое детище «Тараса Бульбу» он болел не был. И «Вечера на хуторе» и «Миргород» писал человек здоровый. Писал с любовью, не требовал от них, чтобы они непременно учили своим примером грязные в разврате общество.

Как радостно и любовно описывал он раскинувшегося на земле пьяного запорожца: «Фу ты, какая важная фигура! закинутый гордо чуб его захватывал пол-аршина земли, шаровары алого дорогого сукна были запачканы детем для показания полного к ним презрения».

И как рассказывал о призыве казачества на битву: «Вы плугари, гречкосеи, овчепасы, баболобы! Пора доставать казачью славу!» И пахарь додал свой плуг, бровари и пивовары кидали свои кадки и разбивали бочки, ремесленник и торгаш ласкал чорту и ремесло и лаука, был горшки в доме — и все что ни было, садилось на коня. Словом русский характер получал здесь могучий, широкий размах, крепкую наружность».

7. Как странно в конце первого тома «Мертвых душ» ядром мелькает тема «Ревизора».

«Воля ваша, господа, а дело надо как нибудь кончить: придет генерал-губернатор, увидит, что у нас просто чорт знает что».

«Как же вы думаете поступить?»

Полициймейстер: «Я думаю задержать Чичикова как подозреваемого человека».

«А если он нас задержит, как подозреваемых людей?»

«Как так?»

«Ну, а если он посылает? Ну что если он с тайными поручениями. Мертвые Души? Гм! Будто купить, а может быть это — розыскание обо всех тех умерших, о которых было помянуто — от неизвестных слушателей?»

Эти слова потрясли всех в молчание. Прокурора эти слова поразили. Председатель тоже, сказавши их, задумался...

8. Из разговоров. — Гоголь некрофил. — Откуда вы это взяли? — Очень хорошо описывает мертвую паночку-ведьму.

— Так ведь он описывает ее как живую. Она розовая, белая, как все гоголевские красавицы. Если бы здесь шло дело о некрофилии, то Хому Брута потянуло бы именно к страшной зеленой покойнице.

А он от этой ведьмы весь трясется самым простым мужиком страхом перед трупом. Нигде здесь некрофилия не видно.

— Но все таки он очень нежно описывает уюпленичку.

— Она у него тоже живая. Только бледная. При чем тут некрофилия? Любвиной жизни у Гоголя не было. Поэтому ищет он яа как ни черных путей. Не находят, а все таки хочется верить хоть собственной выдумке. Уж очень было бы интересно.

О женингах Гоголь рассказывать не умеет. Рассказывает о карикатурных дамах, а красавица у него все на одно лицо. Все белоснежные, розовые, у всех ресницы стрелами, какные то снегоподобные руки, обильные персы. У прекрасной полочки, прелестнейшей Анны, сына Бульбы, «грудь, подобная речному лебеду, снежная кожа, блистающие пальцы».

«Она сидела, сжав белоснежными зубами свою прекрасную нижнюю губу».

Уж право Янкель не хуже изобразил перед Тарасом эту красавицу: «Он постарался, как мог, выразить на лице своем красоту, расставил руки, прищурил глаз и покривилши рот, как будто что нибудь отведать ш».

Изобразил в общем почти так же понятно, как Гоголь свои словесными красотоми. Об Ульичке, положительном типе русской девушки, даже говорить не ловко. Она «предредна». Одета не по человечески и шепчет что то мало-разумительное но очень морально. Бог с ней. Нельзя Гоголю ставить всякое лыко в строку. Оставим это лыко.

О женингах Гоголь пишет так, как будто никогда ни одной не видел, а знает только по наслышке. «Дам, приятных

во всех отношениях» знал хорошо, а для красавиц словарь превращается перси ланиты, уста, куары.

Их не видишь, как сам он их не видел. Ну, да это и не важно. Можем поверить на слово, что они хороши.

9. Собакевич и Чичиков — моралисты. Бичуют ирравы гоголевскими словами, точно уже прочли его переписку.

Гоголь пишет Языкову: «Опорозрь в гневном дидирамбе новейшего лихонима нынешних времен и его проклятую роскошь и скверную жену его, погубившую шеголяниями и тряпками и себя и мужа и презренный порог их рогатого дома...» «Возвеличь бедняка и благородную жену его, которая лучше захотела носить старомодный чепец и стать преледомом насмешек, нежели допустить своего мужа сделать несправедливость и поддаться».

Кончается письмо к поэту словами: «Много, много предместов в ддя лирического (1) поэта, в книге не вместишь, не только в письме».

«В службе своей как следует не упражняетесь, чтобы отечеству как нибудь послужить и на пользу ближнему храня товарищей, о том не думаете, а вот только чтобы быть подалее других. Куда дураки подтолкнут, туда и плететесь. Так себе ни за что и пропадете, и доброго следа после вас не останется».

И когда супруга Собакевича хотела еще остаться в городе, и нужно купить для праздника какие то ленты на чепчики? Собакевич сказал ей: «Это, душа моя, все модные выдумки. Они тебе до добра не доведут».

Еще красноречивее и еще ближе к Гоголю морализирует Чичиков после бала, на котором оконфузал его Ноздрев.

«Ну чему слуху образованная! В губернии неурожай, дороговизна, так вот они за балы. Эка штука: разрядились в бабы тряпки! Невидала что ния на вертел на себя тысячу рублей. А ведь насчет крестьянских оброков или, что еще хуже, на совесть нашего брата. Ведь известно, зачем берешь взятку и покривилши душой! да того, чтоб же достать на шаль или на разные роборны... А из чего? Чтобы не сказала какая нибудь подстрига Сидорова, что на почтмейстерские было платье лучше, а за нее и бух тысячу рублей...»

О разговоре со светским человеком: «...Видишь потом, что даже разговор с простым купцом, знающим одно свое дело, но знающим его твердо и опытно, лучше всех этих побрякушек».

Если вычеркнуть из жизни Собакевича не совсем благочестивую историю с Чичиковым, то его смело можно было бы перенести во второй том «Мертвых Душ», как полезного для отечества и вполне морального человека. Сам Гоголь в «Размышлениях Автора» отставляет его: «Не разбирая мужиков, не допуская их быть пьяницами ни праздноташайками».

10. «Герои мои вовсе не злодеи — говорит Гоголь с «Мертвых душах», но пошлость всею глостью испугала читателей».

И Гоголь обещал «необходимую вторую том», в котором покажет души светлые. Но второй том он сжег. Почему, написав, он сжег его? Потому, что «Не оживет, аще не умрет». Те воспитательные странички, которые уцелели, объясняют нам все лучше, чем сам автор. Первый том был художественно великолепен. Все фигуры созданы с талантом по истине потрясающим. Второй...

11. Первый раз прочла «Мертвые души» подростком и почувствовала то же, что вероятно чувствует и большинство читателей. Душно. Отдохнуть не на ком. Прочти теперь, прожив долгую жизнь, испытуя только художественный восторг перед-вошью этого гигантского таланта.

Иностранцы писатели тоже не шадят своих соотечественников. Как разделял Монассан своих французских мужиков и буржуев. Что пишет Франсуа Мориак о современном «Клубке гадюк». И почти все новые французские писа-

тели. Какую моральную мерзость, какое гнилое болото выворачивают они перет читателем и никто не осуждает их и награждают их премиями Гонкура.

Наша литература того времени была на исключительной высоте. Писатель должен был уметь. Вот так, как Гоголь учит в своей переписке. Но конечно в художественной, а не иррациональной с подлыми указательным пальцем. В первой части «Мертвых Душ» Гоголь не учит. Он людей не любит, а злобный глазок зорек. Его персонажи из второго тома уцелевшие, поистине мертвые души. Как то деревянные куклы, проповедующие дешую мораль.

Между прочим Гоголь замечает: «Ввести несколько прекрасных характеров, обнаруживающих высокое благородство нашей породы, ни к чему не поведет. Оно возбудит только пустую гордость и хвастовство. Это хвастовство губитель всего».

Но почему же тогда, не взяв

рая на это губительство, Гоголь всетаки твердо решил, как дело необходимо нужное, написать вторую часть «Мертвых Душ», где будут выведены именно светлые души, возбуждающие пустую гордость и хвастовство.

Поступок с его точки зрения, не хороший.

12. «Попрекнуть надо тех, которые в святые минуты небесного гнева и страдания поисковых держат предаваться буйству всяких скаканий и позорного ликования», — учит Гоголь.

Советует поэту читать Библию, чтобы громить взяточников Библиейскими словами.

— Что, неумятое рыло, ухватил с просителю трешницу? Ах ты! Дщерь Вавилона окажияся. Блажен, кто возммет детей твоих и разобьет главу их о камень».

Вот так надо действовать на взяточника? В то мирное время самым страшным жалением считалось

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ИНТЕРВЬЮ С ШАЛЯПИНЫМ

Глава из готовящейся к печати книги.

М. Кашук.

С самого прихода большевиков к власти на имя Ф. И. Шалаяпина не переставали подучать из Европы и Америки пригласения на гастроли, но каждый раз большевистские власти отказывали ему в разрешении на выезд за границу. Не помогло и заступничество Горького, который имел доступ непосредственно к Ленину. Ответ неизменно был один и тот же: «Еще рано нам отпускать этого человека». Шалаяпин терпеливо ждал. Была у него большая семья, все ценности в сейфах были конфискованы. Надо было содержать большую семью. Ни кто из детей не был самостоятелен.

В 1920 году эстонское правительство обратилось к большевикам с просьбой отпустить Шалаяпина в Таллин (бывший Ревель) на концерт. Начались переговоры, переписка. В конце концов, Шалаяпин получил отпущник на неделю. Он взял с собою, в качестве аккомпаниатора пианиста Григория Яковсона, одну певцу из Мариинской Оперы в Петербурге для участия в концерте и своего тогдашнего неизменного спутника, Исаю Дворникова, в качестве управляющего и секретаря.

Весь о выезд Шалаяпина из России в Эстонию облетела весь мир. Во всех газетах мира на первой странице появились специальные телеграммы. Это спел в моей антрепризе ряд спектаклей в Москве, два летних сезона подряд. Зимой 1918-19 года я устроил абонементный сезон в Зиминском театре, пригласив, кроме Ф. И. из Петербурга, еще двух артистов Мариинской оперы, soprano Коваленко и тенора Пятровского. Наряду с оперными спектаклями, я давал и в Доме Союзом (бывшем Дворниковом Собрании) и в Большом Зале Консерватории большие концерты, в которых кроме Ф. И. Шалаяпина, С. А. Кусевникова, А. В. Неждановой, Л. В. Собиннова участвовали все самые выдающиеся артисты того времени.

После того, как я, вследствие какой то, непонятной мне до сих пор, провокации, просидел дважды в МЧК и был потом судим и оправдан, я твердо решил начать хлопоты о разрешении мне выезда за границу. О своих планах я, конечно, рассказывал Ф. И., и он решил с своей стороны возобновить хлопоты об отъезде. Власть как будто стала склоняться в пользу Шалаяпина, говоря что какую то часть своего ограниченного заработка он будет уделять в пользу голодающих в то время в России крестьян. Разрешение на мой отъезд за границу должно было получиться отличным от Шалаяпина путем. Я мог выехать как польский гражданин, когда будут отправлять эшелон с беженцами из Польши, попавшими во время войны в Москву.

Выехали мы с Шалаяпиным в разное время и разными путями. Он уехал в Ригу, куда ему навстречу выехал из Лондона

вал, что в каждый свой приезд из Петербурга в Москву он за станал на своей квартире все новых людей, поселившихся у него и входивших в квартиру со своими ключами. По особому ходатайству, ему самому было разрешено занять для себя во время жриездов в Москву, одну комнату при уборной (Сам Ф. И. называл это место более простонародным словом...)

Ничего, следовательно удивительного не было в том, что перспектива уехать хотя бы на короткое время в Европу на гастроли подышать вольным воздухом, поводить старых друзей, одеться приличнее, чем он был одет тогда, когда ни материя, ни портных не стало, его увлекла. Он решился на смелый по тем временам шаг. Вызвал по прямому проводу «самого» Ленина и очень просил его увеличить срок его отпуска и разрешить ему ехать дальше из Эстонии. Ответ был от ридательный. Пришлось возвратиться в Петербург.

Выступления Шалаяпина про исходили в Петербурге, и в Москве. Московским спектаклями и концертами приходилось везти в Москву. Ф. И. отсылал ко мне всех, кто к нему непосредственно из Москвы обращался с предложениями. Не делал он исключения и для дирекции Большого Театра. В летнем сезоне 1918 года началось мое сотрудничество с Шалаяпиным. Он спел в моей антрепризе ряд спектаклей в Москве, два летних сезона подряд. Зимой 1918-19 года я устроил абонементный сезон в Зиминском театре, пригласив, кроме Ф. И. из Петербурга, еще двух артистов Мариинской оперы, soprano Коваленко и тенора Пятровского. Наряду с оперными спектаклями, я давал и в Доме Союзом (бывшем Дворниковом Собрании) и в Большом Зале Консерватории большие концерты, в которых кроме Ф. И. Шалаяпина, С. А. Кусевникова, А. В. Неждановой, Л. В. Собиннова участвовали все самые выдающиеся артисты того времени.

15. Не трудно угадать намеченный путь возрождения Чичикова. Во втором томе он мигнутым уже прозревает возможность, занимаясь усердно хозяйством, богатеть без жульничества. Он уже купил деревенку, в третьем томе мы бы уже увидели его уже богатым помещиком, эксплуатирующим мужиков с христианскими привоучениями.

В третьем томе обещаны и какие то значительные слова Плюшкина.

16. «Шум от канцелярских перьев был большой и походил на то как будто бы несколько телег с хворостом проезжали лес, заваленный на четверть аршина иссохшими листьями».

Шаровары такой ширины, что «можно поместить в них дом со дворян и постройками».

Гоголь любил гиперболы. Он не боялся чрезмерности для юмора, для возбуждения смеха. Но удивлял гоголевские гиперболы искренние, которыми он пользуется для художественной убедительности и красоты.

«Редкая птица долетает до середины Днепра».

Птица даже не редкая, перелетает через моря.

Но чувствуется, что автор так захвачен красотой и величием описываемого, что сам теряет голову. Тут и читатель уже не рассуждает, он тоже захвачен «редкой птицей» и радуется и гордится и ликует и только потом, остая и опоминишись, сам на себя уныливается.

— Как же это так. В Киеве бывал, Днепр видал «при тишине погоде», а «величавой ширины» как то и не усмотрел.

Да конечно можно поспенывать, но когда заведет он свою струнную музыку про золотистые степи и влет ее, буд то льется она сама по себе, буд то слон он не выбирает и вы видите, как «вся поверхность земли представляется зелено-золотым океаном, по ко

взяточничество. Всемиается мне по этому поводу, как выбравшись из кипящего котла нашей революции попал я в Константинополь и читала Герцена. В очень трагических тонах рассказывал он, как арестовали одного революционера и у жены его, кормящей ребенка, «пропало от волнения молоко». «Будь же ты проклято, царствование Николая!» — кончает Герцен свой страшный расказ.

«Да прости Великий, но я засмеялась».

13. «О долге человека можно так разговаривать, что обидно (и начальнику, и подчиненному, которого он распекает) докажется, как бы они беседуют с ангелами в присутствии самого Бога. Говорите же так с вашим подчиненным, т. е. — наставительно и лгательно его душе», учит Гоголь.

Вот как. А у наших чиновников была поговорка: «На чашество мылит и от этого пропадает неприятность».

Учит, все учит... Учит помещику, учит барину, как разделить деньги спон на семь кучек: одна пойдет на карету, другая на прислугу, третья для Бога, четвертая на туалеты... Учит мужика. «В крестьянском быту богатый хозяин и хороший человек — синонима. И в которую деревню заглянул христианская жизнь, там мужики лопами гребут се ребров». Эту мысль наивно чорт подкасал: «Будь крестьянином — разбогатеешь».

Как то не верилось, не хотелось верить, что Фома Опискин шарж на Гоголя, но, читая «Переписку», — веришь. И это большое горе. Большое горе.

14. Кажется, ни один писатель не писал сам о себе так много как Гоголь. Каждое свое произведение он бесконечно объяснял. После постановки «Ревизора» придумал разговор при разезде, без конца объясняя «Мертвые Души».

И кажется, ни об одном писателе не писали так много и так разноречиво, как о Гоголе. Кто он?

Он и реалист, и импрессионист, и символист, и футурист, и сюрреалист и романтик. И каждая школа считала его своим.

Он всяческий. Он ничей. Единственный во всех ликах.

Может быть всетаки реалист, но объясняя себя мечется и сбивает всякую догадку.

15. Не трудно угадать намеченный путь возрождения Чичикова. Во втором томе он мигнутым уже прозревает возможность, занимаясь усердно хозяйством, богатеть без жульничества. Он уже купил деревенку, в третьем томе мы бы уже увидели его уже богатым помещиком, эксплуатирующим мужиков с христианскими привоучениями.

В третьем томе обещаны и какие то значительные слова Плюшкина.

16. «Шум от канцелярских перьев был большой и походил на то как будто бы несколько телег с хворостом проезжали лес, заваленный на четверть аршина иссохшими листьями».

Шаровары такой ширины, что «можно поместить в них дом со дворян и постройками».

Гоголь любил гиперболы. Он не боялся чрезмерности для юмора, для возбуждения смеха. Но удивлял гоголевские гиперболы искренние, которыми он пользуется для художественной убедительности и красоты.

«Редкая птица долетает до середины Днепра».

Птица даже не редкая, перелетает через моря.

Но чувствуется, что автор так захвачен красотой и величием описываемого, что сам теряет голову. Тут и читатель уже не рассуждает, он тоже захвачен «редкой птицей» и радуется и гордится и ликует и только потом, остая и опоминишись, сам на себя уныливается.

— Как же это так. В Киеве бывал, Днепр видал «при тишине погоде», а «величавой ширины» как то и не усмотрел.

Да конечно можно поспенывать, но когда заведет он свою струнную музыку про золотистые степи и влет ее, буд то льется она сама по себе, буд то слон он не выбирает и вы видите, как «вся поверхность земли представляется зелено-золотым океаном, по ко

торому брызнули миллионы цветов... Глаза жмурятся от этого яркого цвета.

«... А вечером вереница лебелей летевших на север, вдруг осветилась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красивые платки детали по темному небу...»

Глаза жмурятся от этого яркого цвета.

«... А вечером вереница лебелей летевших на север, вдруг осветилась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красивые платки детали по темному небу...»

«Чорт вас возьми, степи, как вы хороши!... Как хороши! Как хороши! Гипербола, не гипербола — хорошо беспредельно!»

17. Что же случилось с Гоголем после такого ширококрылого полета его таланта? Как накатили на него эти бездушие, злые проповеди с укоризненно поднятым указательным пальцем? Захотел высмеять чорта. Убить его страшным оружием, «которого боится даже тот, который уж ничего не боится».

Но, думается, что эту задачу, это посрамление чорта он уже потом придумал. Этой задачей у него не было. Да и тему дал ему Пушкин, который с чортом мало ведался.

Отчего же все это так вышло? «О, как нам нужны беспредельные шельки и этот оскорбительный тон, и эти одкие пронзающие насмешки» — уверяет Гоголь. «Нас ежеминутно следует колоть, поражать, бить всеми возможными орудиями, и мы должны благодарить ежесекундно нас поражающую руку».

Он считает, что всем нам бездна «всенародно данная оплеуха».

Вот этого он и не вынес. Не вынес неблагоприятной критики.

Книга его не подходила к тому времени. Все кинулись на него и враги и те, кого он считал друзьями. Шевьер, Аксаров, Полевой, Булгагин, Панаев, «Северная Пчела» — все. Смест, вой, гром, грохот. Впечатление словно от губернаторского бала из «Мертвых Душ», когда «галопал летел на всю пропалау... грузинский князь Чихайладзе, француз Кукуи, Чеховский, Берендоский — все поднялось и понеслось».

— Она, пошла писать губерния, — проговорил Чичиков... Действительно — пошла писать губерния.

Растерянные, оглушенные, добрые высокоподпавшие старушки, бежали к Иверской молиться за раба Божия Николая. За него было страшно.

В обществе говорили, что он смешит публику как обезьяна, а толку серьезного в нем нет. Панаев требовал, чтобы Гоголю запретили писать, потому что от его произведений пахнет лавкейской. Сравнивали с Поль де Кокком, упрекали в бедности сюжета (данного Пушкиным!) и говорили, что эту книгу нельзя брать в руки, если не хочешь запачкаться.

Старый друг детства не вступил его в свой дом. И Гоголь заплакал Кричали, что Гоголь враг России

Гоголь не выдержал. Стал оправдываться.

«Нельзя судить о «Мертвых Душах», не прочтя второй части, где он выведет души светлые».

Вот тут то и началась истинная трагедия Гоголя. Он страстно хотел реабилитироваться, искупить чортова маски «Мертвых Душ» целой галереей душ светлых. И когда увидел, что из под пера его выходят деревянные Костанжоло и тряпичные купцы Муразоны, решуже правду-матку в глаза самому губернатору, как великий художник ужаснулся Гоголь и понял, что светлых душ он показать не может. И он сжег свою рукопись. Это был акт безысходного отчаяния. И больше он жить не мог. Он был повержен и растоптан «Мертвыми Душами». Осталось только умереть. И он умер.

Перед гибелью своей он долго боролся. Отрешся от смеха своего, который так высоко стоял... «Смех значительнее, и глубже, чем думают... он издается из светлой природы человека, потому что на дне ее заключен вечно бьющий родник его, который удручает предмет».

Люди не слышат могут силы смеха: «что смешно», — говорит свет. «Никогда еще на Руси не сказано более фальши для пеня, чем про эти «Мертвые Души».

18. Гоголь продал ротажи. Выпустил «Переписку», но его погнущу «Переписку и Завил, что персонажи «Мертвых Душ» — чудовища, вынудившие их из собственной души.

Но ведь мы не забыли эпиграфа к «Ревизору», с такими же чудовищами, вызванными из души: «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива».

Нечего считать их чудовищами, когда мы такие же... Кто же эти чудовища? Чичиков — жулик не крупного калибра, но очень даже ловкий и не очень хитрый, потому что каждый раз попадались. Доверялся такому лядному правлю как Ноздрев и дуре Коробочке. И вдобавок — моралист.

Или чудовище Собакевич? Но Гоголь сам его оправдывал. Ну покривил душой с Чичиковым, да кто из нас не без греха? За по хороший хозяин и мужиков не обижал. Собакевич не выдуман. Это наш коренной русский тип. Он живет и сейчас, прочно устранившись, пишет в газетах и распространяется с политическими прагами, неуклюже наступая на ноги.

Или чудовище Манилов, этот добродушный, сентиментальный мечтатель, любящий жену, обо все хорошо отзывющийся? Вед он и его жена, ведь это Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна в молодости, только побогаче и немножко образованнее. Но описаны без любви и осмеяны. А тех он любил ждал и умилялся над ними. Сам Гоголь в «Раз